

"БРОДЯЧАЯ РУСЬ"

(Памяти С. В. Максимова)

Около тридцати лет тому назад полубеллетристические-полуэтнографические очерки С.В.Максимова[1] знакомили русскую интеллигенцию с миром бродяг и босяков. Правда, Максимов в своих очерках не открывал совершенно нового мира: бродяги и раньше весьма часто останавливали на себе внимание русских писателей. Бродяги фигурировали, например, в качестве эффектных героев романтических поэм и повестей; бродяг идеализировали, "личность" бродяг защищали "люди сороковых и пятидесятих годов"[2]; о "лютом бродяжьем горе" скорбели прогрессисты-народники. Но Максимов первый в многосторонней картине изобразил "бродяжье" царство, первый заглянул пристально в его глубину, первый широко рассмотрел вопрос об его истинных экономических и социальных устоях, первый сделал некоторые общие выводы о духовном и нравственном облике его обитателей.

Он имел перед своими глазами бродячую Русь, живущую традициями седой старины, поставленную далеко не в те суровые условия существования, какие выпали на долю современного босячества. Его бродяги - "голь настоящая, сгорбленная и оборванная, очень растрепанная и неумытая" - не являются обреченными на немедленную гибель пасынками того общественного и хозяйственного строя, на лоне которого они потерпели крушение. Лишившись звания и положения полноправных членов этого строя, они, тем не менее, продолжают сохранять некоторые родственные связи с этим строем, находятся под его покровительством, пользуются строго определенной помощью с его стороны, живут на его иждивении.

Крестьяне-общинники и патриархальная буржуазия, подавая милостыню, платят им "обычную, неизбывную подать, давно заусловленную и всегда обязательную".

Обязательная уплата подобной "подати" в известной степени спасает "нищенствующую братию" от опасности умереть голодной смертью. "Ежедневно прикармливаясь от деревенских соседей по их не привычке к отказу, имея даже свои праздники и обедные дни, по древним народным законам, с тех древних времен, когда у московских царей при дворе содержались даже придворные "штатные" нищие на случай известных церковных обрядов (вроде омовения ног) - деревенское нищенство далеко от опасностей голодной смерти". "Для нищего на Руси, на проторенных дорогах", в течение всего круглого года имеется "готовая помощь и пища с древнейших времен".

Но нет правила без исключения, и в среде нищенствующей братии выделяются несчастливцы, существование которых гораздо менее обеспечено, которые гораздо больше должны опасаться призрака голодной смерти. Это - "мещанская голь", опутанная тенетами самой безысходной нужды, изнывающая в "отчаянии бездоля" и под давлением отчаяния решающаяся на слишком "смелые" дела, на преступления... О мещанской голи Максимов упоминает редко и каждый раз вскользь. Его интересует главная масса обитателей "бродяжьего царства".

"Отчаяние бездоля" чуждо главной массе бродяжьего царства. Непорванная связь с патриархальным строем, постоянная уверенность в "готовой помощи и пище" кладут на их душевный мир свою печать: все эти погорельцы, побирušки, нищоброды, калики перехожие живут сравнительно спокойной, уравновешенной внутренней жизнью: им недоступны глубокие, сильные, острые страсти и душевные движения. Единственно, в чем проявляется их душевная дисгармония, порожденная сознанием "бесталанной, сиротской" доли, в их чувствительности к обидам и в затаенной тоске.

Они, в глазах Максимова, - прежде всего люди, потерявшие силу*. Не способные на сильные чувства, не обладающие силой характера, больные, "обиженные природой", лишенные физических сил, они органически лишены вместе с тем любви к труду.

* - См. *"Бродячая Русь Христа-ради"*, СПб., 1877. С. 136.

Убогий Мартын "родился, как говорится, на камушке, то есть в круглой нищете", с детства набирался уличной мудрости, просвещался "базарной наукой". В результате подобного воспитания оказалось, что он "ни за какую работу уцепиться не мог", хотя не раз пробовал приняться за производительную трудовую деятельность.

- Нет, ты вот послушай, - говорит автору один крестьянин. - Пробовал он, точно пробовал: из-за хлеба очищал зимой проруби на реке: толку-то у него в этом не бывает. Нанимался он и в дома, в работники, - да как? Меня, говорит, хоть и не корми, а давай водки. Мужик нанял его богатый, давал ему водки каждый день, и впрямь он сыт был, и к обеду не ходил: диву даже дались. Житье ему было